

Ключевые слова:

еврозоны, Евросоюз, кризис евро, Маастрихтский договор, сокращение государственных расходов, дефолт по суверенному долгу

Франко Павончело, проф. политологии, президент Университета Джона Кабота в Риме
(e-mail: fpavoncello@johncabot.edu)

Один за всех и все за одного: кризис евро

Когда в конце 2009 г. правительство Греции внезапно заявило о том, что страна, возможно, окажется неспособна обслуживать свои долговые обязательства, по европейскому рынку прокатилась волна паники: прочие испытывающие затруднения страны — Ирландия, Испания, Португалия — может постигнуть та же судьба; возможен коллапс как евро, так и еврозоны. Чтобы избежать суверенного дефолта и финансового коллапса, Греции была необходима помощь Европейского союза, которую с неохотой было решено предоставить в ходе драмы, развернувшейся на сессии Совета Европы в мае 2010 г., в обмен на комплекс мер по сокращению правительством Греции государственных расходов, что означало снижение заработной платы и пенсий, существенный рост налогов и стремительный рост уровня безработицы. Одобрение правительством Греции этих мер весной 2010 г. сопровождалось попытками полиции усмирить на улицах Афин разъяренных демонстрантов — яркое отражение утраты Европой иллюзий.

В работе «Размышления о революции в Европе: иммиграция, ислам и Запад» К. Колдуэлл чрезвычайно просто объясняет постигшие Европу проблемы. Д. Рифф в статье «Политика закрытых дверей: упрощенное понимание Европы» утверждает, что проблема значительно глубже.

Неустойчивая, но еще как-то держась на ногах Греция наглядно продемонстрировала необходимость срочного разрешения возникших проблем. Каковы ожидания для еврозоны? Выживет ли евро, и какой ценой? Какой станет Европа в результате этого кризиса? Как мы до этого дошли?

По окончании Второй мировой войны лидеры европейских стран — как победителей, так и побежденных — пришли к единственно возможному выводу: если народы Европы не найдут путей сотрудничества, не станут делиться ресурсами и, как следствие, процветать во взаимодействии, рано или поздно между ними возникнет гражданская война, которая, возможно, станет последней в истории. Так началась послевоенная европейская интеграция.

Уроки, извлеченные по результатам актуальной для 1930-х гг. политики «разори соседа», которая в 1940-х гг. трансформировалась в политику «убей соседа», произвели неизгладимое впечатление на тех, кто ее пережил, отложившись в умах отцов-основателей современной Европы: Ж. Монне, Р. Шумана, К. Аденауэра и А. Де Гаспери. Новая и другая Европа уже не могла оставаться только мечтой — она стала необходимостью.

Цель была как стратегической, так и политической: создать наднациональный орган, контролирующей судьбы стран и народов Европы. Были выбраны экономические механизмы, поскольку именно за счет улучшения экономических условий могли удовлетворяться собственные интересы европейских стран так, чтобы не вызывать периодического пробуждения настроений деструктивного национализма в странах, «толпящихся» на континенте. Именно эту стратегию Ж. Монне сформулировал, заявив, что «Европа будет построена не сразу и не по заданному архитектурному проекту, но будет построена в результате конкретных достижений, формирующих прежде всего чувство истинной солидарности». Путь строительства нового союза — поступательное развитие экономической интеграции, которая рано или поздно приведет к интеграции политической.

Процесс был инициирован Соединенными Штатами, которые связали реализацию плана Маршалла для послевоенного восстановления Европы с созданием общеевропейского органа, который будет распределять средства помощи в соответствии с критериями, согласованными странами-реципиентами.

Это успешное сотрудничество вдохновило таких провидцев, как Ж. Монне и Р. Шуман, на продвижение новых инициатив кооперации, особенно значимой из которых стало создание Европейского объединения угля и стали, установившего коллективный контроль над месторождениями железной руды на границе между Францией и Германией. Это привело к исторической вехе — заключению Римского договора 1957 г., который, в свою очередь, послужил основой для создания общего рынка путем объединения в Таможенный союз шести сторон договора: Франции, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Общий рынок способствовал невиданному ранее экономическому росту и социальному прогрессу его участников (за период с 1958 по 1963 гг. годовой рост ВВП Италии рос ошеломляющими темпами — 8 % в год). Такой успех сблизил страны-основатели, заставил задуматься ранее неприсоединившиеся страны, в основном Великобританию, а также способствовал коллапсу коммунизма и глобализации.

Процесс, начало которому дал Римский договор, инициировал постоянное стремление расширять направления и вопросы сотрудничества между странами-участницами, в результате чего возникла теория, которую В. Хальштейн, первый председатель Европейской комиссии, назвал «велосипедной теорией Европейского союза». Согласно этой теории процесс интеграции должен быть непрерывным, расширяться и углубляться. В противном случае он утратит динамику и захлебнется. Результатом движения вперед «велосипеда» стали значительные преобразования размера Союза, рост числа его учреждений и расширение их сферы деятельности, а также углубление экономической интеграции его членов. Это также способствовало расширению сферы влияния различных стран и институтов Европы с последующим нахождением методов разрешения возникающих проблем.

В 1985 г. результатом такой интеграции и явилось подписание Единого европейского акта, вступившего в силу в 1992 г. и устанавливающего принцип свободного перемещения капиталов, услуг и граждан в пределах Союза. Но дальнейшая интеграция на уровне торговли едва ли могла быть достигнута в отсутствие координации между валютами стран-участниц. Открытые валютные рынки и значительные

колебания, связанные с ними, а также склонность менее осмотрительных стран Европейского союза к конкурентной девальвации сделали необходимым повышение уровня валютного координирования.

Исходные попытки такого координирования после признания Бреттон-Вудской системы несостоятельной оказались успешными лишь до некоторой степени. Введенная в конце 1970-х гг. Европейская валютная система воспринималась как чрезвычайно подчиненная немецкой марке, что создавало значительные проблемы для иных валют, весьма подверженных спекулятивным атакам, например британского фунта и итальянской лиры, в начале 1990-х гг. Единая валюта стала определяющим средством, обеспечивающим поступательное движение «велосипеда» Европы.

Решение о создании единой европейской валюты, реализованное Маастрихтским договором 1992 г., стало одним из наиболее судьбоносных для Европы за всю ее историю. Это решение, по сути финансовое, имело чрезвычайно значимые политические и социальные последствия. Оно беспрецедентным образом связало воедино судьбы многих народов Европы, отказавшихся от одной из наиболее важных функций суверенитета — контроля над собственной валютой и кредитно-денежной политикой — в пользу наднационального образования, находящегося за пределами их национальных границ. Договор включает два важных положения. Первое предусматривает наличие у членов Европейского союза принципиального обязательства присоединиться к системе евро (за исключением некоторых стран, таких как Великобритания, получивших особую привилегию), а также то, что присоединившиеся к еврозоне страны не могут отказаться от евро без выхода из Европейского союза. Второе положение содержит строгий запрет на оказание финансовой помощи отдельным странам, кроме «исключительных, чрезвычайно серьезных обстоятельств временного характера». Это правовое обязательство существенно ограничило степень гибкости действий ЕС при разрешении потенциальных финансовых проблем.

Введение евро моментально создало крупнейшую торговую площадку в мире, устранило неопределенность, связанную с колебаниями курсов национальных валют, и значительно облегчило и удешевило сделки между странами Европы, а также способствовало формированию более благоприятного климата на рынке заимствований. Кроме того, евро стал неоспоримым свидетельством политических обязательств и стабильности: крупнейшие страны Европы отныне связаны единой кредитно-денежной судьбой.

Однако введение евро базировалось на ряде неубедительных допущений, например: евро будет обращаться в пределах оптимальной валютной зоны, что обеспечит в ней органичный обмен товарами, трудовыми ресурсами и капиталом; это допущение оказалось более чем оптимистичным. Помимо прочего, использование общей валюты в контексте весьма различных экономических реалий было сопряжено с риском формирования «безразмерной» кредитно-денежной политики, приводящей к напряженности в отношениях между странами, находящимися в различных фазах экономического цикла. При возникновении кризиса это может привести к «асимметричному шоку», который окажет значительное давление на систему.

Тем не менее, невзирая на потенциальные проблемы, страны Европы осознавали, что неприсоединение к кредитно-денежному союзу обречет их на нестабильность и закроет для них выход на массовый рынок. Для них евро стал поездом, на который они не могли позволить себе опоздать, и многие страны предприняли поистине героические усилия, чтобы соответствовать условиям доступа в эксклюзивный клуб. Более «расточительные» кандидаты на членство принимали обязательство следовать путем ограничений и реструктуризации для обеспечения соответствия критериям Маастрихтского договора: годовая инфляция не более 1,5 %, максимальный дефицит

бюджета не выше 3 % ВВП и соотношение задолженности к ВВП не более 60 %. Для достижения таких показателей многие страны были вынуждены принять более жесткую бюджетную политику, обеспечивающую снижение непродуктивных расходов, ограничение государственных расходов, приватизацию государственных компаний и предприятий и рост налогов. Политическая цена данных действий была слишком высока для таких стран, как Италия, Испания, а со временем и Греция, которые приняли евро при отсутствии глубокой реструктуризации.

Необходимость соблюдения маастрихтских критериев занимала весьма высокое место в повестке дня более осмотрительных стран еврозоны, таких как Германия и Нидерланды. Они опасались, что слабые страны окажутся не в состоянии исполнять жесткие финансовые обязательства, хотя именно их соблюдение являлось входным билетом в зону евро. В целях хеджирования такого риска Германия потребовала и получила Пакт стабильности и роста, который предусматривал жесткие санкции в отношении стран, отклоняющихся от исходных критериев. Строгий контроль бюрократов Брюсселя и Франкфурта за соблюдением таких фискальных требований, которые было сложно выдержать, дал Европейскому союзу ложное успокоение: при соответствии критериям проблем не возникнет. Так они упустили из виду прочие структурные проблемы, потенциально более опасные для экономической стабильности еврозоны: отсутствие контроля за регулированием национальных финансовых институтов, упор на рост «экономики спроса», связанный с возникновением финансовых пузырей, подчиненность правительств интересам сильных национальных групп, неумолимое возрастание социальных выплат и, в заключение, недостаточное внимание к продуктивным конкурентоспособным секторам экономик стран еврозоны.

Какими бы ни были скрытые до поры проблемы, рождение евро в январе 1999 г. незамедлительно нивелировало стоимость заимствований для ряда стран. Неожиданно такие страны, как Италия и Португалия, которые ранее могли привлекать заемные средства по ставкам, привязанным к ставкам для Германии, получили возможность занимать деньги по ставкам, максимально приближенным к тем, которые использовали их более «старательные» соседи. Логический посыл заключался в том, что такие страны, будучи странами еврозоны, имеют право пользоваться преимуществами всей континентальной инфраструктуры.

Это предоставило беспрецедентную возможность повысить ликвидность, и банки были готовы кредитовать страны, которые выпускали облигации, номинированные в евро, реализуя небольшой спред по облигациям Германии и дисконтируя такие облигации по ставке Европейского центрального банка. Более того, преимуществом евро стало его введение во время устойчивого роста мировой экономики, которая после коллапса пузыря Nasdaq и рецессии 2002 г. испытала массивный приток ликвидности, когда крупнейшие центральные банки устанавливали стоимость заимствований на уровне, близком к нулю.

Форсированный глобальный режим кредитования стал золотым дном для одного из быстрорастущих сегментов европейского рынка — банковского сектора, который в еврозоне представляет собой национальную прерогативу и регулируется по нормам каждой отдельной страны. Национальные банки ряда стран стали выдавать масштабные кредиты, в результате чего активы, контролируемые банками еврозоны, росли в 3,5 раза быстрее, чем ВВП за период с даты учреждения евро. Это привело к поразительному уровню потенциальных убытков банковской системы Европы, который все еще не полностью осознан рынком. (Согласно материалам Leto Research, по состоянию на февраль 2009 г. финансовые риски банков еврозоны в Восточной Европе составляли \$1,6 трлн; в прочих странах, экономика которых ориентирована на экспорт, — \$2 трлн; в Испании, Италии, Португалии, Греции, Ирландии и Франции — \$4,1 трлн.)

Огромный приток ликвидности и высокая активность заемщиков имели важные последствия для экономик стран еврозоны. В частности, их результатом стал стремительный рост доверия и в связи с этим бурный рост спроса в периферийных странах еврозоны, сопровождающийся значительным увеличением заработной платы, а также льгот и пенсий. Тем не менее их производительная способность оставалась заложником косности рынков труда, низкой производительности и снижением конкурентоспособности их экономик. При этом рост экономик данных стран в основном определялся активностью сектора жилой недвижимости, например в Испании и Ирландии сформировались чрезвычайно впечатляющие пузыри, что сопровождалось нарастанием долговых обязательств населения и стремительным ростом цен на недвижимость.

Результатом стал рост объема заимствований многих стран, а также рост правительственных расходов в геометрической прогрессии, вызванный необходимостью удовлетворять требования повышения заработной платы и пенсионных выплат. Определяющийся спросом интенсивный экономический рост обеспечил приток налоговых поступлений, что предотвратило возникновение чрезмерного дефицита национальных бюджетов, позволило политикам предоставить гарантии и компенсации социальным группам, являющимся значимым электоратом. Все это финансировалось за счет «токсичного» притока ликвидности.

Последствия стремительного развития финансового кризиса в 2007 и 2008 гг., а также прекращение притока ликвидности для наиболее подверженных рискам стран еврозоны были опустошительными. Стремительный рост рынка жилой недвижимости прекратился мгновенно; произошли масштабные дефолты, накопление европейскими банками значительного объема рискованных кредитов, надежда на погашение которых была призрачной. Результатом кризиса стало нарастание рецессии таких экономик, существенное снижение экономической активности и малая вероятность разрешения проблемы за счет повышения экспорта — высокая стоимость рабочей силы и низкая конкурентоспособность значительно завысили цены на их товары. Дефицит бюджета более уязвимых стран не замедлил взлететь до значений, выражающихся двузначной цифрой, а их государственный долг превысил их ВВП.

Соединенные Штаты отреагировали на прекращение притока ликвидности массированным вливанием наличности в финансовую систему для того, чтобы стабилизировать финансовые учреждения за счет предоставления так необходимого им капитала. Проблемные активы были сняты с балансов банков. Но Европа реагировала на кризис иначе. Столкнувшись с коллапсом национальных финансовых систем, она не обладала культурой солидарных действий, что могло бы обеспечить массовые денежные вливания в проблемные сектора. Более того, Европейский союз не имел Казначейства, которое могло бы накачивать денежные средства в финансовую систему. Как ни удивительно, основная задача Центрального банка на пике кризиса сводилась, скорее, к ограждению Германии от инфляционного давления, но не к восстановлению притока ликвидности в остальные страны еврозоны.

И поскольку бедствовавшие страны не могли решить проблему долгов путем девальвации валюты или инфляции, для них евро стал оковами. Таким образом, единственным путем выхода из долговой ситуации для этих стран была фискальная политика, т. е. снижение заработных плат и социальных выплат, а также государственных расходов, что означало резкое сокращение спроса в условиях нарастающей экономической рецессии. Реакцией на подлежащие утверждению пакеты самоограничений стали массовые народные демонстрации, общие забастовки и частую массовые волнения.

Несмотря на то, что в результате использования акронима PIGS (*PIGS — Portugal, Ireland, Greece, Spain — прим. пер.*) Португалия, Ирландия, Греция и Испания

воспринимаются как примеры проявления единой проблемы, пути, которые привели эти страны к финансовому кризису, индивидуальны, в частности в том, что касается веса их экономик в общей экономике Европы, динамики предкризисных процессов и перспектив развития. Кризисный дефолт банковской системы Ирландии — следствие коллапса пузыря на рынке недвижимости и принятого страной решения рефинансировать банковскую систему за счет налогоплательщиков (решение, которое привело в шоковое состояние держателей облигаций, пытавшихся продать активы по цене пятьдесят центов за доллар). Это решение нанесло значительный урон фискальному здоровью Ирландии, которое было достаточно крепким до кризиса, и привело к развитию глубокой рецессии в экономике страны.

Испания также расплачивается не только за лопнувший пузырь на рынке недвижимости, но и за значительную задолженность и возникший в этой связи банковский кризис — все это усугубляется потерей экономической конкурентоспособности на протяжении последних десяти лет.

Португалия страдает от последствий пузыря в общественном секторе экономики: она пыталась обеспечить социальную стабильность путем заимствований, что привело к утрате конкурентоспособности ее экспорта.

В некотором смысле Греция, предававшаяся безудержным расходам и потреблению, повышавшая заработные платы, пенсии и компенсации в размерах, абсолютно не соответствующих ее экономическим возможностям, является экстремальным примером фискальной безответственности. Такие действия привели к стремительному росту дефицита бюджета и государственного долга, что держалось в секрете путем манипулирования финансовой отчетностью. Неудивительно, что сведения о реальных экономических проблемах Греции и отчаянные обращения правительства к странам Европы за помощью, без которой стране однозначно не удастся предотвратить финансовую катастрофу, инициировали панику на рынке. События в Греции привели к неожиданному осознанию возможности, если не вероятности дефолта по суверенному долгу стран еврозоны.

Когда возникла необходимость финансового спасения Греции, а затем и прочих затронутых кризисом стран в начале 2010 г., реакция Европейского союза, и в частности Германии, была неуверенной и отражала внутренние политические разногласия. Намерение спасти страны PIGS воспринималось как нарушение Лиссабонского договора и начало монетаризации долга в еврозоне с введением коллективной финансовой ответственности — именно этого и пытались избежать при заключении исходных договоров по евро. По словам бывшего должностного лица Bundesbank, «финансовое спасение было бы равнозначно прыжку в бассейн, в котором нет воды». Министры-тяжеловесы Германии начали подвергать сомнению возможность и желательность предотвращения дефолта Греции (в данном случае отражая настроения населения Германии, которое никоим образом не было заинтересовано в оплате счетов не заслуживающих доверия стран Южной Европы, которым изначально не следовало вступать в еврозону) и разрабатывать сценарии двухуровневого Европейского союза, один уровень которого находится в зоне евро, а другой — за ее пределами.

Тем не менее реакцию рынков на колеблющуюся позицию еврозоны перед лицом потенциального коллапса было сложно не понять. Курс евро резко снизился в связи с утратой рынками уверенности в его долгосрочных перспективах; ставка по заимствованиям для периферийных стран еврозоны значительно повысилась; при этом ставка для Греции в три раза превысила ставку для Германии.

Перспектива распада еврозоны и представление о его финансовых последствиях смели какие бы то ни было колебания политических лидеров Европы, в частности канцлера Германии. Германии, которая предоставила пострадавшим от кризиса

странам кредиты на сумму около €700 млрд, пришлось выполнять данные ею обещания. На историческом совещании в мае 2010 г. Совет Европы и Европейский центральный банк (ЕЦБ) в координации с МВФ сформировали фонд финансовой помощи в размере €750 млрд, состоящий из гарантий стран еврозоны на сумму €440 млрд, взноса МВФ на сумму €250 млрд и долгового инструмента на €60 млрд, позволяющего ЕЦБ приобретать облигации на открытом рынке. В поддержку мероприятия ЕС создал новую организацию — Европейский фонд финансовой стабильности (The European Financial Stability Facility — EFSF), уполномоченную выпускать облигации на основании таких гарантий и призванную «предоставлять займы странам еврозоны, испытывающим финансовые проблемы, рекапитализировать банки или выкупать суверенный долг».

Первый кредит в размере €110 млрд был предоставлен Греции по ставке 5 % годовых (достаточно высокой для финансового спасения) в обмен на существенное ужесточение фискальной политики и снижение правительством Греции расходов бюджета — драконовские меры, призванные в 2011 г. снизить дефицит бюджета с 13 % до 7 %. Для экономики Греции это стало лекарством, которое углубило экономическую рецессию и привело к массовым демонстрациям рабочих и народным волнениям.

Все наиболее затронутые кризисом страны еврозоны ввели меры самоограничения. Италия, Испания и Португалия в значительной мере урезали расходы и приняли меры для снижения к 2012 г. дефицита бюджета до уровня, близкого к 3 %. Данные шаги послужили предпосылкой для экономической рецессии в этих странах (но менее глубокой, чем та, что ожидает Грецию в ближайшее время) и позволили отказаться, по крайней мере на данный момент, от финансовой помощи.

Ирландия также реализовала ряд мер для снижения государственного долга, который стремительно увеличился в связи с решением правительства оказать финансовую помощь национальным банкам после того, как лопнул пузырь рынка жилищной недвижимости, и после банкротства ее банковской системы. Правительство приняло беспрецедентный план самоограничения, направленный на снижение дефицита государственного бюджета с 32 % ВВП в 2010 г. до 3 % в 2014 г. Это было воспринято как признание поражения, и многие наблюдатели поставили под вопрос решение спасти банковскую систему, но в результате Ирландия стала второй страной Евросоюза, которая попросила оказать ей финансовую помощь, в данном случае в размере €85 млрд.

Готовность крупнейших стран еврозоны отступить от политики невмешательства в урегулирование суверенного долга членов Евросоюза тем не менее была сопряжена с жесткими условиями, влекущими за собой серьезные последствия. Германия и Франция в обмен на предоставление нового пакета помощи в размере €750 млрд потребовали, чтобы ЕС обеспечил более эффективные механизмы контроля фискальной и в целом экономической дисциплины. На саммитах стран еврозоны в 2010 и 2011 гг. одновременно рассматривались планы усиления финансовой поддержки бедствующих стран и усиления фискальной и экономической координации и контроля.

Таким образом, несмотря на решение сформировать Механизм европейской стабильности, который будет функционировать как своего рода европейский валютный фонд и с 2013 г. заменит собой EFSF, Германия и Франция продолжали требовать введения более жестких правил контроля не только над национальной фискальной дисциплиной, но и над широким диапазоном аспектов экономической политики и национальными финансовыми институтами. Они видели, что беспокойство в отношении дефицита бюджета в размере 3 %, в то время как национальным банкам предоставлена возможность накапливать долг, объем которого многократно превышает национальный ВВП, может привести к катастрофе. Во избежание таких проблем в будущем

в декабре 2010 г. Европейский союз создал Европейский совет по системным рискам, призванный осуществлять мониторинг рисков финансовой системы в целом, включая банки, фонды и прочие виды финансовых посреднических организаций.

На саммите стран Европейского союза в феврале 2011 г. Германия и Франция, повторно подтвердившие неизменную поддержку существованию евро и обслуживанию суверенного долга, предложили ряд масштабных реформ, что полностью объяснило их видение будущего еврозоны и стоимость выполнения ими обязательств по обеспечению финансовой стабильности Европейского союза. Их требования включали соблюдение не только фискальной дисциплины, но и условий конкурентоспособности, включая стабильность уровня заработной платы; минимального уровня инвестиций в НИР, образование и инфраструктуру; применимые ко всем странам Европы правила взаимодействия с финансовыми учреждениями на национальном уровне; требование введения нормы ограничения государственного долга на уровне национальных конституций.

В конечном счете ЕС с некоторыми ограничениями принял положение о коллективной финансовой ответственности в качестве фундаментального инструмента противодействия фискальному и экономическому кризису. В то же время просто создание механизма, предоставляющего ограниченные гарантии поддержки долговых обязательств, может быть недостаточным для разрешения проблем Европы.

Перед такими странами, как Греция, Ирландия, Португалия и Испания, стоит существенная проблема: после того, как лопнули пузыри на рынках потребления и жилой недвижимости, им предстоит долгий период рецессии, в течение которого они будут вынуждены платить высокий процент по суверенным облигациям. Это дополнительно ухудшает их статус заемщика. Таким образом, для этих стран снижение ставок жизненно важно. Перспектива провести долгие годы в отсутствие какой-либо надежды на экономический рост и улучшение качества жизни и чрезвычайно усердной работы, покрывающей задолженность, при нарастании ее общей суммы, может привести к возникновению неприемлемой политической и социальной ситуации в этих странах. Они могут быть вытеснены из еврозоны и Европейского союза исключительно в силу их обескровливания и утраты надежды, что станет трагедией как для них, так и для остальных стран Европы.

В то же время дефолт и односторонняя реструктуризация долга неприемлемы для еврозоны, поскольку они могут вызвать недоверие и панику, которые приведут к массовому изъятию вкладов в банках всех стран еврозоны, невзирая на формальную стабильность последних.

Решение заключается в определении срединной точки между этими двумя императивами — в создании финансового и политического механизма, который сделает приемлемым для народов Европы снижение задолженности терпящих бедствие стран путем замены облигаций с высоким процентом менее дорогостоящими облигациями и последовательным отнесением стоимости этой операции на европейских налогоплательщиков.

Трудно поверить в то, что Европа позволит кризису перейти в закат евро. Сложная ситуация сложилась в Греции и Ирландии, а в последнее время и в Португалии; однозначной оценки их способности выстоять в условиях кризиса в политическом и экономическом отношении нет, но Испания смогла обойтись без финансового спасения и, судя по всему, двинется в направлении достижения стабильности.

Нынешний кризис заставил европейцев осознать очевидное: Европа без Союза — континент без мечты, судьба без надежды. Национальные валюты и торговые войны, вражда и смятение — это едва ли то будущее, которое может быть предложено следующим поколениям народов Европы, невзирая на сложности национальных экономик.